

На подступах к понятию логики

К. А. Павлов

Корни логики. Стремление к «истине», поиск «истинного бытия» свойственны многим человеческим культурам; и поэтому – когда возникает вопрос об уникальных особенностях европейской культуры – одним лишь «стремлением к истине» невозможно выделить ее из множества прочих, как невозможно опознать по этому признаку и действительных ее «представителей». Ибо все те, кому приходило в голову озадачиться поиском «истины», так или иначе находили то, что они могли бы счесть удовлетворительным результатом *своих* исканий.

Есть, однако, одна особенность поиска истины, характерная именно для «европейской культуры» мышления. Эта особенность связана с принципиальным смещением акцентов на *проблему обоснования* всего того, к чему стремится в своих исследованиях ум человеческий; причем искомая «европейцами» обоснованность – по «идее», в идеале – должна *бы* быть предельной, безусловной, беспредпосылочной. Без особых преувеличений можно сказать, что предельность и универсальность «предельных оснований» и есть основной вопрос и главный соблазн европейского мышления. И неважно, идет ли речь о «теоретических спекуляциях» или же о самых насущных социальных или этических вопросах.

Поворачивая ту же проблему несколько иначе, можно сказать, что европейское мышление определило себя, и продолжает само-определяться в свете идеи *предельного сомнения* (или даже беспредельного сомнения). От сократических бесед, через «картезианское сомнение» и «освобождение от идолов» Бэкона, до гуссерлевского «эпохе» и позднейших идей деконструкции знания – все поворотные для европейской мысли времена манифестировали себя в форме радикального переосмысления оснований бытия и оснований мысли. Таким образом, именно европейскую *философию* – как особого рода *культуру сомнения, логически направленную на «первые начала»*, первые принципы, предельные основания – вполне правомерно называть исконным «местом», где европейское мышление исконно находит самое себя, а его философские принципы считать фундаментальной формой осуществления логической ответственности и нравственной вменяемости «европейски» мыслящего человечества.

Собирательный образ устремленности к предельным основаниям сконцентрировался вокруг *философского* понятия *логики*. Поэтому не удивительно, что со времен греков именно вопрос о природе правильности «правильных рассуждений» является самым жарким предметом полемики. Этот предмет ожесточенных дискуссий собрал вокруг себя столько подходов к нему, сформировал столько концепций и идей, что нельзя не ощутить некоторой растерянности, приступая к исследованию «вопроса о логике». На всякий случай подчеркнем: говоря о логике, мы пока имеем в виду нечто весьма неопределенное – некую интуицию, предвосхищающую существование особого рода необходимости, в силу которой человеческие рассуждения могут быть выстроены в «безусловно правильную» последовательность мыслей на пути к «истине». Что стоит за этим замыслом, каковы способы конкретизации и уточнения этой первичной интуиции – всё это как раз и будет предметом наших последующих размышлений.

Номинальное определение логики. С целью получить какой-нибудь целостный образ сегодняшней логической ситуации, в первую очередь кажется естественным обратиться к современным сводным работам по логике (учебникам, энциклопедиям, обзорам). Однако если говорить о современных обзорах по логике, то большинство из них только увеличивает эту растерянность. Ибо чем современной такой обзор, тем лишь пестрее и разнообразнее вырисовывается ситуация с различием логических систем и концепций. Спектр представлений о логике настолько широк, что противоположные концы этого спектра уже едва ли можно отнести к какому-либо одному предмету исследований. И эта ситуация, конечно же, порождает множество вопросов.

И, тем не менее, у всего этого бесконечного разнообразия логических концепций есть одна сквозная, общая для большинства глубоких философских исследований характеристика цели логики. И цель эта заключается в том, что «логика» должна быть как-то связана с прояснением понятия «правильного рассуждения». Комментируя аристотелевское определение силлогизма (т.е. аристотелевское понятие *логической связи*, которое следует считать одним из главных понятий, характеризующих предмет логики), З.Н. Микеладзе говорит: «под 'логосом' в контексте аристотелевского определения силлогизма следует, пожалуй, понимать *рассуждение*» (курсив З.Н. Микеладзе). Таким образом, есть основания считать, что логика как наука о силлогизме *по замыслу* своему является наукой о «правильном рассуждении». Здесь можно вспомнить и то, что логические труды Аристотеля были объединены под общим названием «Органон» («Инструментарий»), из чего можно сделать вывод относительно цели такого именованья: под логикой следует понимать нечто такое, главная задача чего заключается в получении «правильных рассуждений» всякий раз, когда это требуется.

Огромные перемены в философии, неоднократно имевшие место со времени Аристотеля, фактически не отражались на этом аспекте понимания цели логики. Так, «борец с аристотелизмом» Ф.Бэкон говорил: «логика имеет предметом мышление и разум»¹, а А.Арно и П.Николь, столь многое сделавшие для переосмысления понятия логики в ключе *картезианской философии* (разительно отличающейся от философии Аристотеля), даже названием своего труда – «Логика, или Искусство мыслить» – указывают на то, что они сохраняют связь логики с понятием «правильного рассуждения». О том, что это верно и в содержательном отношении, говорит в своем комментарии к «Логике Пор-Рояля» А.Л. Субботин: «В отличие от схоластической логики, где преобладал логико-грамматический анализ, а познавательные цели зачастую подменялись риторическими, Арно и Николь вновь возвратились к аристотелевской идее логики как руководства к приобретению знания, как органа мышления»².

Полутора столетиями позже, несмотря на радикальный отказ рассматривать логику как органон частных наук, И. Кант продолжает считать, что логика «должна учить нас правильному, т.е. согласному с самим собою, применению рассудка» и что она «необходима как критика знания»³ (курсив И.Канта). Примечательно, что основным вопросом логики И. Кант называет вопрос «как рассудок познает самого себя?», и поэтому определяет логику как «самопознание рассудка и разума»⁴. Однако необходимо учесть, что в свете фундаментальной для И.Канта идеи «логического плюрализма» (в противоположность «логическому эгоизму»), «сильным критерием истины» является не столько самосогласованность *индивидуальных* (конечных) человеческих рассудков, сколько регулятивная идея «общечеловеческого разума», в горизонте которой должно происходить познавательно-критическое *общение* людей. Люди, – говорит Кант, – «должны общаться друг с другом, если только не хотят утратить сильный критерий истины, [т.е.] сравнение своих суждений с суждениями других»⁵. Иными словами, несмотря на явное противостояние некоторым идеям Аристотеля и авторам «Логики Пор-Рояля», на деле у И. Канта происходит сложнейшее переосмысление понятия «правильности» (равно как и понятия «формы») логических рассуждений. Связь логики с понятием «правильного рассуждения» не только не ставится под вопрос в работах И. Канта, но и наоборот, эта связь впервые (после Аристотеля) в истории мысли *целенаправленно* наполняется своим собственным содержанием, поскольку в явном виде предполагает *корректную артикуляцию мыслей*, нацеленную на «сравнение своих суждений с суждениями других». Идея «логического плюрализма», продумываемая

¹ цит. по Ф. Бэкон. Новый органон. ОГИЗ, 1935, стр. 32.

² А.Арно, П.Николь. Логика, или Искусство мыслить. Москва, Наука, 1991, стр. 401.

³ И.Кант. Трактаты. Санкт-Петербург, Наука, 1996, стр. 428, 429 и 434.

⁴ Там же, стр. 430.

⁵ Н.Хинске. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007, стр. 105.

И.Кантом – это содержательное развитие платоновско-аристотелевского «диалектического логоса», предполагающего логический диалог собеседников, озадаченных вопросом о природе правильности «правильных рассуждений». «Логический плюрализм», о котором говорит И.Кант, не имеет никакого отношения к той ситуации в современной логике, которая характеризуется неограниченным многообразием «логических систем», поскольку это многообразие есть лишь множество *замкнутых и не сообщающихся* друг с другом «систем», каждая из которых обладает собственным внутренним критерием «истины». У И.Канта всё ровно наоборот: его «плюрализм» характеризуется *открытостью и сообщаемостью* «миров», его конституирующих, в результате чего «сильный критерий истины» и становится общим, а не «эгоистическим» критерием какого-то одного отдельно взятого «мира». Противоположная установка («логический эгоизм»), т.е. установка на принципиальную монологичность мысли, попадает у И.Канта под подозрение в неправильном понимании самой природы разума⁶.

После И.Канта развитие логики продолжает осуществляться в пространстве, создаваемом полем напряжения идей «логического эгоизма» и «логического плюрализма», однако идея связи логики с понятием «правильного рассуждения» по-прежнему остается руководящей вплоть до второй половины XX-го века.

Так в XIX-м веке влиятельный американский исследователь Ч. Пирс в своей книге «Рассуждение и логика вещей», название которой также указывает на принципиальную связь «логики» и «рассуждения», определяет логику как «науку о мышлении... вообще, о его законах и разновидностях»⁷. Здесь, однако, важно не только это сохранение традиции в понимании определяющих черт логики, но и то, что у Ч. Пирса находит свое дальнейшее развитие идея «логического плюрализма». Ч. Пирс делает значимым понятие «неограниченного сообщества исследователей»⁸, взаимная корректировка результатов исследования которых должна вести, в конечном итоге, к истинам, независимым от человеческих субъективностей. (Регулятивная идея «неограниченного коммуникативного сообщества интерпретаторов» впоследствии становится одной из фундаментальных для размышлений К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, однако эти исследователи мало интересуются собственно логической стороной этого вопроса, хотя их результаты, на мой взгляд, имеют существенное к ней отношение). Логика научного открытия К.Поппера (а также его апологетика идеи «свободного общества»), работы Куна, Лакатоса и др. – все эти направления мысли подразумевают *социальность* как необходимое условие возможности для реализации «правильных рассуждений». А это значит, что для понятия «правильного рассуждения» всё более насущным становится *необходимость учета коммуникативных аспектов логической деятельности*.

Разумеется, необходимо помнить и о том, что монологический («эгоистический» по Канту) горизонт развития логики, (якобы) не требующий учета коммуникативных аспектов, сумел раскрыть в XX-м веке свои впечатляющие технические возможности. Тем не менее, он не только достиг полноты этих возможностей, но и, так сказать, перерос сам себя, ибо в конечном итоге потерял содержательную связь с понятием «правильного рассуждения». Например, в английском издании 1957-го года известный логик Я. Лукасевич уже мог запросто сказать такое: «неверно, что логика – наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим, или как мы должны мыслить, –

⁶ Там же, стр. 109. История Германии 1933-1945 года может служить серьезным поводом для размышлений о связи моно-логических (т.е. логически «эгоистических») философских оснований мысли с формами национального самосознания и государственного устройства. В свою очередь Россия, как и всегда идущая «особым путем» – например, как страна воплощенной в жизнь одной и только одной философии – также могла бы стать темой для философских и публичных дискуссий, причем даже в контексте такого частного вопроса как вопрос о правильности «правильных рассуждений».

⁷ Ч.С.Пирс. Рассуждение и логика вещей. Москва, РГГУ, 2005, стр. 140.

⁸ см. об этом очень убедительную работу К.-О. Апеля «От Канта к Пирсу: семиотическая трансформация трансцендентальной логики» в книге К.-О. Апель, Трансформация философии. М. Логос, 2001.

не предмет логики»⁹. Рассуждая в этом же направлении, в своем обзоре по состоянию современной логики А.С. Карпенко пишет: «основной вывод на сегодня таков: *законы логики есть не что иное как законы алгебры*. Все это происходит на фоне непомерного возрождения психологизма в логике в нашей стране. За последнее десятилетие издано большое число учебников и учебных пособий по логике, где утверждается (за редчайшим исключением), что логика изучает *законы мышления*. Однако не только математическое развитие логики, но и в некоторой степени философское развитие логики показывает, что нет больше законов мышления, отличных от законов алгебры. И с этим трудно не согласиться»¹⁰. С этим действительно *трудно* не согласиться; большинство исследователей и не идет на эту трудность (и даже не видит ее). И всё же это не значит, что легитимность этого вывода вообще невозможно поставить под вопрос. А для того, чтобы решиться на эту трудность, необходимо исследовать те предпосылки – как исторические, так и метафизические – которые сделали возможным такого рода выводы. С этой целью нужно будет еще раз внимательно оглянуться на развилку в понимании существа логики, сформулированную И. Кантом (т.е. на различие между эгоистическим и плюралистическим пониманием логики), и посмотреть, в контексте каких концепций происходило развитие «чисто эгоистического» (или, иначе говоря, чисто монологического) понимания логики. И здесь мы (возможно, с удивлением) обнаружим, что решающими соображениями в пользу «чисто монологического» понимания логики оказываются те формы интерпретации понятий «суждение», «высказывание», «предложение» и т.п., которые уходят своими корнями в *теологическую* метафизику (это мы увидим по работам Б. Больцано). Секуляризация этих идей и интерпретаций (у раннего Э.Гуссерля, и затем у Б. Рассела и Г.Фреге) ни в коей мере не избавляет такое понимание логики от ее *теологических* (в смысле христианского креационизма) *условий осмысленности*. Поскольку полная теоретическая реализация такого рода идеи логики предполагает перспективу «божественного всеведения», то вполне объяснимой тогда становится и потеря всякой связи с понятием *человеческого рассуждения*. Полное отождествление «законов логики» с «законами алгебры» осмысленно только для всеведущего божества, которому *не надо рассуждать* и которому нечего познавать, и которое может только *созерцать* собственные творения (во всей их завершенной целокупности). Человеческая логика, очевидно, устроена не так. Не случайно профессор Стэнфордского университета Дж. Этчемэнди назовет развитие логики, идущее в направлении линии Г. Фреге и Б. Рассела, «аномальным в истории логики»¹¹.

Что касается современных отечественных авторов книг, учебников и пособий по логике, то многие из них, вероятно, ощущают неправомерность утраты *содержательной* связи логики с понятием «правильного рассуждения». Видимо, поэтому значимость понятия «правильного рассуждения» для предмета логики ощущается и принимается во внимание многими отечественными исследователями¹². (Однако в большинстве случаев попытка удержать эту значимость происходит опять-таки в перспективе «эгоистического», или монологического понимания существа логики, что, на мой взгляд, приводит к неустранимым противоречиям, некоторые из которых мы рассмотрим ниже). Здесь мы не будем приводить соответствующие выдержки и цитаты, поскольку ниже мы будем рассматривать некоторые монографии более подробно.

Итак, исходя из нашего краткого анализа «истории логики», имеет смысл предположить, что отрицание задачи прояснения смысла правильности «правильных

⁹ Я.Лукаевич. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. Москва, Издательство иностранной литературы, 1959, стр. 48.

¹⁰ А.С.Карпенко. Современное состояние исследований в философской логике, стр. 70.

¹¹ J. Etchemendy. Tarski on truth and logical consequence. The journal of Symbolic Logic. v.53, #1, March 1988, p. 74.

¹² см., например, учебник «Логика» Е.К.Войшвилло и М.Г.Дегтярева, учебное пособие А.А.Ивина «Логика», статью «Логика» в энциклопедии Кругосвет (автор В.Л.Васюков), в статье С.Л. Катречко «К вопросу «что такое логика?» и др.

рассуждений» эквивалентно вообще отказу рассматривать нечто такое как «логика», и поэтому это можно считать *номинальным* ее определением. *Определяя* (номинально) логику как науку (или искусство) «правильного рассуждения», мы фактически постулируем конститутивную значимость идеи «правильного рассуждения» для предмета этой науки. А это означает одну важную в методическом отношении вещь: с того момента, как мы принимаем номинальное определение логики через предмет ее исследования (т.е. через проблематическое понятие «правильного рассуждения»), все прочие атрибуты и свойства можно приписывать «логике» только после должного обоснования.

Из сказанного следует, что проблема поиска *содержательного* определения понятия логики должна иметь форму вопроса: что делает «правильные рассуждения» правильными? Эта проблема включает в себя вопрос об *условиях осмысленности* словосочетания «правильного рассуждения», которые нередко игнорируются в логических исследованиях, что порой приводит к контр-интуитивным последствиям. Игнорирование этих условий, в частности, и приводит к тому, что логика оказывается не имеющей никакого отношения к идее рассуждения, как это, например, выходит у Я.Лукасевича.

От номинального к содержательному понятию логики. Разумеется, вопрос о содержательном определении существа логики по-прежнему ставится и, так или иначе, решается в *современной* логической литературе. Один из самых распространенных и традиционных ответов на вопрос о природе логики, характерный для XX-го века, таков – природа логики сказывается, прежде всего, в том, что она *должна* иметь *формальный* характер. За редкими исключениями, практически вся (современная) отечественная литература построена на этой истине. Но откуда взята эта истина? Каковы ее основания? Что здесь понимается под «формой»? Можно ли назвать это аналитической истиной (по отношению к номинальному определению логики)? Иными словами, действительно ли из смысла словосочетания «правильного рассуждения» непосредственно вытекает, что *причина* правильности «правильного рассуждения» – нечто такое как *форма*, или, точнее, «логические формы», многообразие которых обычно называют «логическими законами»¹³? И действительно ли тогда выходит, что рассуждать логически правильно — значит «рассуждать *в соответствии с* законами логики»¹⁴?

Эти требования к существу логики ныне кажутся настолько очевидными и естественными, что отрицание их представляется чем-то противоположным как здравому смыслу, так и интуиции логики. Может быть, так оно и есть: но всё же здравый смысл и интуиция – это не лучшая опора для логики. Поэтому не лишне было бы с этими вопросами разобраться, и понять, что всё это значит. Что такое форма, и в частности, логическая форма? И что бы это значило, когда утверждают, что «правильное рассуждение» – это рассуждение *в соответствии с* «законом логики»?

Ведь например, у влиятельного современного логика С.Крипке есть целая книга, посвященная проблеме следования правилу, поднятой Л. Витгенштейном. Первоначально это кажется парадоксальным, однако вопрос о том, *как вообще возможно* следовать какому-либо правилу, является настолько нетривиальным, что порой кажется просто заводящим в тупик. Вопрос о том, как подводить «сырой материал опыта» под четко определенные рассудочные формы (т.е., условно говоря, под законы рассудка) И.Кант связывал с понятием способности суждения и называл это *самой таинственной* способностью души. Проблема ведь в том, что любой исследуемый предмет никогда не дан заранее в форме, изоморфной рассудочным формам. Возможность изоморфизма как раз только еще и нужно установить, исходя из имеющихся смутных подобий, вольных ассоциаций и неопределенных аналогий и метафор, с помощью которых так или иначе

¹³ см. работы авторов, указанные в ссылке 11.

¹⁴ см. например, статью А.С.Карпенко «Предмет логики в свете основных тенденций ее развития», Логические исследования №12, 2004, стр. 5, или учебник «Логика» А.А.Ивина, М.: Знание, 1998, стр. 11.

уже всегда беспорядочно оформлен всякий человеческий опыт. Для того чтобы уметь подводить частные случаи под общие законы, необходимо уметь логически корректно устанавливать то правило, которое действительно является релевантным для данного частного случая. В терминах Витгенштейна это означает уметь решать следующий тип задач: вам показывают ситуацию, позволяющую понять смысл слов «правило» и «применение», а затем, на примере другой ситуации, вам предлагают «сделать то же самое», по аналогии с примером. Интуитивно, задача кажется тривиальной. Однако и Л.Витгенштейн, и, например, Д.Хофштадтер, который со своими коллегами уже десяток лет занимается проблемой *компьютерного* моделирования процедуры *порождения аналогий*, убедительнейшим образом показывают¹⁵, насколько трудна и важна эта проблема для умения моделировать «подведения частных случаев под общие законы» и насколько нетрадиционные подходы требуются для ее решения. А без понимания того, как возможно «подводить что-то одно под что-то другое» мы никогда не поймем, в частности, и того, как возможно чтобы правильные рассуждения были *результатом соответствия* неким «законам». О том, насколько всё это не простые и важные для понимания природы «правильных рассуждений» задачи, можно судить, не углубляясь в тонкости философского анализа; ведь достаточно вспомнить, например, о трудностях юридической практики или же о коллизиях этического характера.

Иными словами, идея определения причины логичности логики через идею формы и идея следования правилу может оказаться весьма проблематичной. Вопрос о природе логики необходимо облечь в форму философских вопросов И.Канта (как возможно, что...). Это значит, что вопросы – 1) *как вообще возможно*, чтобы «форма» была *причиной* логичности логики, и 2) *как вообще возможно*, чтобы правильные рассуждения были *результатом соответствия* неким «законам» – должны быть надлежащим образом поставлены. Без внятного ответа на эти кантовские по своей форме вопросы, слова о «формальности» природы логики так и останутся пустым заверением.

В качестве отправной точки и определенной системы указателей нашего исследования, мы решили выбрать две книги. Это, во-первых, книга В.В.Целищева «Нормативность дедуктивного дискурса»¹⁶ и, во-вторых, это «Словарь по логике» А.А.Ивина, А.Л.Никифорова¹⁷. Выбор это связан с рядом причин, которые постепенно проясняются в ходе наших рассуждений. Что касается Словаря А.А.Ивина и А.Л.Никифорова, то именно потому, что Словарь адресован преподавателям средних школ (а не специалистам по логике), авторам удалось очень ясно и весьма точно обрисовать ситуацию в логике, внятно очерчивая глубокие вопросы, но минуя при этом такие тонкости, которые понятны только специалистам. Если использовать терминологию Л. Витгенштейна, то можно сказать, что сложные проблемы в Словаре *показаны* (внимательному читателю), хотя напрямую в Словаре о них не всегда *сказано* явно. Книга В.В.Целищева наоборот, с лихвой восполняет представление читателя о всевозможных тонкостях современного логического анализа, однако добивается поставленных в ней целей с не меньшей ясностью, чем Словарь. Она сочетает в себе энциклопедические черты, свойственные обзорным работам, с жанром философско-детективного расследования, где острота сюжетных линий идет рука об руку со строгостью многообразных философско-логических выкладок.

Итак, давайте займемся поиском содержательных определений логики, следуя тем путям, которые намечены в выбранной нами литературе. Начнем со Словаря. Весьма примечательно, что в разделе под общим названием «логика», авторы употребляют «логика» и «формальная логика» через запятую, как синонимы. То подозрение, что это, возможно, всё-таки не синонимы, авторы высказывают лишь в одном, весьма

¹⁵ D. Hofstadter. Fluid concepts and creative analogies. Basic books, 1995.

¹⁶ В.В.Целищев. Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант. Новосибирск, Нонпарель, 2004.

¹⁷ А.А.Ивин, А.Л.Никифоров. Словарь по логике. - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.

двусмысленном пассаже. Это обстоятельство будет для нас весьма значимо, и ниже мы обязательно займемся его рассмотрением. Однако, несмотря на указанное исключение, общее впечатление остается именно таким: логика *вообще* и формальная логика – это синонимы. В разделе «логика» мы читаем:

ЛОГИКА (от греч. *logos* — слово, понятие, рассуждение, разум), **или:**
Формальная логика — наука о законах и операциях правильного мышления.

Отметим следующие моменты. Во-первых, глядя на это определение, можно еще раз убедиться в том, что «логика» в рассматриваемой книге также неким сущностным образом связывается с понятием «правильного рассуждения» (или правильного мышления, как говорят авторы). Во-вторых, еще раз подчеркнем, что мы не ошиблись и относительно постулируемой авторами синонимичности «логики» и «формальной логики». О том, что это не случайность, и что слова «логика» и «формальная логика» используются как взаимозаменяемые, говорит и следующий пассаж, идущий сразу за основным определением логики.

«Согласно **основному принципу** Логики, правильность рассуждения (вывода) определяется только его *логической формой*, или структурой, и не зависит от конкретного содержания входящих в него утверждений».

Иными словами, авторы утверждают, что формальность существа логики обосновывается тем, что это есть некий «основной принцип логики». Понятно, что это пока лишь простая декларация обоснования, имеющая целью указать на то, как должен *бы* выглядеть, по мнению авторов, конечный результат исследования природы логики. Далее, отмечая, что сегодня существует неограниченное число логических систем и способов, которые принято считать логически правильными, авторы опять настаивают на том, что

«единство Логики проявляется прежде всего в том, что входящие в нее «отдельные» Л. пользуются при описании логических процессов одними и теми же методами исследования. *Все* они *отвлекаются от конкретного содержания* высказываний и умозаключений и оперируют только их *формальным*, структурным содержанием»¹⁸.

При первом прочтении всех частей данного определения может показаться, что форма просто входит в определение логики. И если бы речь шла об определении «формальной логики», то никаких вопросов бы и не возникло. Однако не будем спешить. Очевидно, что поводом для вопросов служит то самое «или», которое фигурирует в самом начале определения «логики» и которое фактически уравнивает *общее* понятие «логики» с понятием «формальной логики». Проблема здесь вот в чем. Если номинальное определение «логики» (по нашему предположению) связано исключительно с понятием «правильного рассуждения», то, очевидно, постулированием ее формальности тут не обойтись. Нужны какие-то дополнительные аргументы в пользу ее формальности. Как мы увидим, эти дополнительные аргументы найти будет чрезвычайно трудно, свидетельства чему можно обнаружить в том же самом Словаре. Но перед тем как подступаться к исследованию Словаря по этому вопросу, сначала обратимся к одному замечанию во второй книге (монографии В.В.Целищева), также избранной нами для анализа вопроса о природе логики, и путеводным указаниям которой мы часто будем следовать ниже.

¹⁸ В книге 1970 года У.В.О.Куайн вместо идеи «логической формы» использует понятие «логической структуры»: «предложение является логически истинным, если истинны все предложения, разделяющие с ним его логическую структуру», У.В.О.Куайн, *Философия логики*, Канон+, Москва, 2008, стр. 90. Принципиально важно, что У.В.О.Куайн, как и следующие ему в этом вопросе авторы Словаря, определяет идею «логичности» *на основе* идеи «логической истинности», которая, таким образом, *предпосылается* определению логики. Однако У.В.О.Куайн ведет речь исключительно о *дедуктивной* логике, в отличие от авторов Словаря, не распространяя этого определения на прочие подходы к логике.

С одной стороны В.В.Целищев констатирует, что «утверждение, что логика носит формальный характер, является в настоящее время трюизмом»¹⁹. Однако он тут же выдвигает первое и очень серьезное возражение против отождествления логики «как таковой» с формальной логикой. Дело в том, что только после того, как Кант ввел различие между формальной и трансцендентальной логикой, возникла идея отождествлять «логику как таковую» с формальной логикой, а всё остальное отдать на откуп философии, эпистемологии и т.п. Если это действительно так, то вопрос о легитимности отождествления логики и формальной логики встает особенно остро. Конечно, необходимо исследовать вопрос о фактической истинности этого утверждения, высказанного В.В. Целищевым. С целью разобраться в этом вопросе, мы постараемся показать ниже, что Аристотель, по праву считающийся концептуальным патриархом науки логики, действительно *не* считал науку о правильных рассуждениях чем-то «чисто формальным» (уж по крайней мере в том смысле формальности как это принято понимать сегодня).

Итак, есть основания считать, что формальность логики – это исторически обусловленная идея. Как же тут быть? Если она не всегда считалась формальной, то это значит, что идее отождествления логики и формальной логики предшествовал некий путь, который и послужил основанием для такого отождествления. Идеи отождествления предшествовали некие резоны. Но такое положение дел открывает возможность для критики (т.е. для попытки фальсификации подобной идеи).

Первый же содержательный, а не просто исторический, повод для оспаривания дают сами авторы Словаря. Они указывают на наличие одной весьма непростой проблемы – дело в том, что идея формализации применима далеко не ко всему на свете.

«Однако многочисленные попытки решать философские проблемы таким путем показали, что, во-первых, *далеко не все философские проблемы могут быть формализованы*, а во-вторых, при формализации содержание проблемы настолько обедняется, что их решение формальными средствами оказывается *философски неинтересным*. В настоящее время даже сторонники метода логического анализа признают, что он может быть *лишь вспомогательным средством при обсуждении философских проблем*, но отнюдь не средством их решения»

Возникает очевидная двусмысленность. Ведь «обсуждение философских проблем» – это тоже некий вид рассуждения, который может быть как правильным, так и неправильным. Тогда возникает следующий вопрос. Если некоторые философские рассуждения неформализуемы, то не означает ли это, что к некоторым содержательным философским проблемам *неприменима логика* (коль скоро мы обязаны ограничить себя предположением, что логика *по существу* формальна и, значит, применима только там, где может иметь место формализация)? Вряд ли это тот вывод, который устроил бы хоть одного исследователя, понимающего философию в первую очередь как *философскую логику* – а эта форма понимания философии включает в себя подавляющее большинство мыслителей, от Аристотеля до Рассела включительно. Имея на руках безусловно обоснованный вывод о неприменимости логики к философии, большинство исследователей скорее согласилось бы поставить под вопрос идею отождествления «логики» с «формальной логикой», или, по крайней мере, согласилось бы с необходимостью пересмотра понятия «формы». Из этого следует, что вопрос о формализуемости рассуждений должен быть более тщательно рассмотрен.

Подозрение в том, что дела с формализацией обстоят как-то «не совсем хорошо», резко усиливается после следующего утверждения авторов Словаря.

Возникновение конкурирующих систем логики показало, что законы логики не являются истинами, никак не связанными с практикой мышления, и *зависят от области, к которой они прилагаются*.

¹⁹ Цит. соч. стр.163.

Точный смысл зависимости «законов логики» от области рассуждений, конечно же, еще должен быть проанализирован. Однако каков бы ни был конкретный смысл этой зависимости, опасность возникновения порочного круга становится явной: с одной стороны, правильность рассуждений вроде как должна зависеть только от формы, но *выбор* адекватной «формы» зависит от того, правильно ли мы идентифицировали ту область, к которой следует относить исследуемый объект. Выходит, что для того, чтобы правильно рассуждать (т.е. рассуждать в соответствии с правильно подобранными «законами логики»), необходимо заранее – еще до того, как мы начали рассуждать в соответствии с «законами логики» – осуществить *правильный выбор самих «законов»*. Если мы ошиблись в отношении выбора «законов логики», то результатом «следования» этим законам, очевидно, будет *неправильное рассуждение*. Можно, конечно, предположить, что существует некая «логика выбора правильных законов», формальные законы которой будут решать возникшую трудность. Однако, совершенно ясно, что этот путь уводит нас в дурную бесконечность – построение башни «законов для выбора законов для выбора законов...» никогда не окончится. Но тогда мы немедленно приходим к весьма удручающему выводу: *отсылка к «форме» как к последнему основанию правильности «правильного рассуждения» полностью теряет свой смысл*.

Сказанное легко понять, если исходить из соображений, учитывающих *условия осмысленности* словосочетания «правильного рассуждения», и применить их к какому-нибудь конкретному примеру.

Перед тем как привести такой пример, напомним одну тривиальность – наука занимается еще не решенными проблемами. Она не занимается задачами, решение к которым уже найдено. Это означает, что понятие правильного рассуждения осмысленно главным образом по отношению к «предмету познания», внутренняя структура которого нам *еще не известна*. Предположим теперь, что у нас имеется полный набор всевозможных формально-логических систем, исчерпывающе описывающих «логику как таковую»: логика Л1 для области О1, Л2 для области О2, и т.д.; и пусть имеется некий предмет исследования Х. То что Х – это предмет исследования, в частности, означает, что нам пока еще *неизвестно*, какая из логик Л1, Л2, Л3 и т.д. наиболее адекватно «выражает» природу исследуемого предмета. Наше желание исследовать предмет Х означает, что мы хотим *правильно рассуждать* об этом предмете. Правильностью рассуждений заведует «логика», которая состоит из Л1, Л2,.... Возникает теперь вопрос: как такая «логика» помогает нам «правильно рассуждать» об Х?

Для большей ясности имеет смысл конкретизировать вопрос. Предположим перед нами древние папирусы на совершенно неизвестном языке, которые, однако, содержат элементы некоего известного древнего языка, по которым можно предположить, что перед нами – древнейший трактат по логике. Возникает вопрос: как современная логика поможет нам расшифровать то, о какой логике идет речь? Что в данном случае значит – *правильно рассуждать* о содержании папируса? Последовательно применять Л1, Л2 и т.д. к тексту? Но так мы вычитаем из текста всё что угодно. Глядя на текст сквозь Л1 мы скорее всего обнаружим в нем черты логики Л1, глядя сквозь Л2 – черты Л2, и т.д. А ведь в отличие от вещей природы, человеком не созданных, данный текст написан человеком и говорит нам о какой-то конкретной, подразумеваемой этим человеком логике. Стало быть, если предположить, что логика – это система всех логических систем (так определяет ее, например, Ж. Шер²⁰), то должен существовать изоморфизм одной из известных нам систем с той системой, которая подразумевается в папирусе. Но, повторимся, *как* нам наша наука о правильном рассуждении поможет установить этот изоморфизм?

Возникшую сложность имеет смысл заострить до своего предела следующим рассуждением. Ведь задача с правильной расшифровкой текста папируса может оказаться неразрешимой. И, на мой взгляд, единственной фундаментальной причиной такой

²⁰ см. цитированную выше монографию В.В.Целищева «Нормативность дедуктивного дискурса», стр. 219.

невозможности адекватной реконструкции смысла может быть потеря *устной* традиции интерпретации знаков. Но тогда правомерно задаться следующим вопросом. А как будут выглядеть *наши*, современные трактаты по логике через пару сотен тысяч лет, в предположении, что точно также произойдет утрата традиции интерпретации наших знаков? Смогут ли будущие ученые, на основании одних только наших «символов» суметь идентифицировать трактат по «классической» логике и отличить его от трактата по «неклассической» логике? Если *предположить*, что знаковые формы, изобретенные учеными в XX-м веке, адекватно выражают *подразумеваемые* ими логические формы – т.е. что их смысл настолько однозначно явлен этой знаковой формой, что любое разумное существо, глянув на них, с неизбежностью «правильно схватит» *имманентный* им смысл – то ответ по идее будет положительным. Однако, одно только существование контр-примеров, показывающее смысловую обусловленность формально-логической символики, показывает, что это предположение является просто неверным. Главным образом, неверным является понимание «смысла» как чего-то такого, что может быть «имманентным» *знаку*. Обоснование этому мы рассматриваем в других наших работах. Таким образом, ситуация представляется существенно более сложной.

Обратим внимание на то, что в условиях «полной оторванности» от современных устных традиций интерпретирования человеческих знаков находятся компьютеры. (Речь идет, конечно же, лишь о *современном* уровне развития программного обеспечения, а не о том, что это принципиально неустранимое свойство компьютеров вообще). Положение современного компьютера вполне можно сравнить с положением человека совершенно не знакомого с неким иноземным письмом. В каком-то смысле всякого человека в подобном положении можно считать «запрограммированным» лишь на то, чтобы воспринимать письменную форму чужого языка в виде агрегата «закорючек», оперирование которыми ограничено исключительно теми ассоциациями, которые вызываются этими знаками. Очевидно, что этого слишком мало для того, чтобы иметь возможность доступа к смысловому уровню чужого языка. Совершенно аналогично всякий современный компьютер является запрограммированным лишь на то, чтобы оперировать предлагаемым ему знаковым материалом исключительно в границах вложенных в него программ. Очевидно поэтому, что если компьютерные программы будут представлять собой просто вмонтированные в него формально-логические системы, то такой компьютер никогда не сможет *логически* иметь дело с по-настоящему *новыми* исследовательскими ситуациями. Ведь отсутствие доступа к смысловому уровню отсекает возможность *создания* интерпретаций, которые можно было бы рассматривать с той или иной логической точки зрения. Такой компьютер просто не в состоянии иметь дело ни с одной новой задачей, не укладывающейся в жесткий формат вмонтированного в него «логического аппарата». В отличие от человека, имеющего доступ к смысловому измерению языка, у такого компьютера имеются совершенно однозначно определенные границы применимости его «логического аппарата», которые он не в состоянии расширять *самостоятельно*. Более конструктивным примером ограниченности (современных) компьютерных программ, основанных на идее «чисто формальной» логики, является следующий. Нетрудно понять, что компьютерные программы, основанные на непротиворечивых формальных системах, в принципе не смогут *отличить простое противоречие – от (семантического) парадокса*. В случае с семантическими парадоксами, можно рассчитывать лишь на то, что компьютер сумеет зафиксировать некое противоречие. (Более подробно этот вопрос мы рассматриваем в другой работе). Всё сказанное выше верно, повторимся, при условии, что под программным обеспечением понимается лишь набор жестко фиксированных, заранее вмонтированных в него алгоритмов, написанных по образу и подобию нынешних формальных систем «логики». Добавим также, что компьютерная метафора бывает весьма полезна при обсуждении теоретических подходов к таким вещам как «понятие», «высказывание», «суждение», «рассуждение», поскольку она помогает вскрывать скрытые предпосылки и неявные недостатки, спрятанные за гладкостью теоретических

идеализаций. Одной из таких обманчивых теоретических идеализаций является отождествление (логически) «правильного рассуждения» с понятием «следования логическому закону».

Пример с трудностями логической интерпретации папирусов на древнем языке мы привели, в частности, для того, чтобы обратить внимание на те проблемы и задачи, с которыми работает Д. Хофштадтер. Его анализ и критика направлены на то, что современные логики и программисты фактически работают с такими *предметными областями*, язык описания и внутренние структуры которых оптимально подогнаны под языки и структуры, существующие в современной логике. Это создает иллюзию универсальности формальной логики; в частности, иллюзию возможности обойтись таким концептуальным аппаратом для создания искусственных моделей человеческого мышления, который играет роль философского основания современной формальной логики. Эта иллюзия поддерживается некритически принимаемой предпосылкой о возможности адекватной формализации любой предметной области. Однако, эта предпосылка, как мы уже видели, оказывается плохо обоснованной. Как только некий предмет исследования оказывается принципиально «привязанным» к собственному языку, особенности которого весьма далеки от оптимальности (в смысле соответствия искусственным языкам современной европейской формальной логики), то тут возникают *проблемы языкового перевода*. В частности, именно тут во всей своей силе и возникает проблема «следования правилу», проблема «адекватного сравнения» и т.д., о которых мы говорили выше, упоминая И.Канта, Х.Патнэма, С.Крипке, Л.Витгенштейна. В отечественной литературе эту проблему всерьез воспринимают лишь те исследователи, кому приходится сталкиваться с языковыми переводами *на деле* (en ergo), а не через посредство чужих представлений об этой проблеме. Необходимость учета языкового перевода – в самом широком смысле, например, перевода языка одной ситуации на язык другой ситуации – ставит под вопрос претензию на всеобщность парадигмы «универсальная форма – частные содержания». Со времени критики языка Витгенштейном с позиций множественности языковых игр, идея соотношения «общее-частное» явно требует своего восполнения совершенно иными подходами к понятиям «смысла», «смысловой сообщаемости» и т.п. Насколько я понимаю, именно это утверждает А.В.Смирнов, когда пишет следующее: «содержательность, находящаяся в ‘смысле’, как эта категория понимается здесь, – это его способность к трансляции, способность к переплавлению себя в другое. Поэтому *устойчивым* здесь является не ‘форма’, не ‘идея’, не конкретное содержание, а способ его выстраивания, который, в свою очередь, представляет собой не фиксированный способ выстраивания вот-этого-содержания, а указание на способность трансляции (как оказывается, бесконечной) этого содержания в другие»²¹. С этих позиций понятие статичного, искусственного формального языка современной науки по существу своему становится прямо противоположным существу языка «естественного», языка человеческого общения. «Язык, – говорит А.В.Смирнов, – это *акт* говорения, а не готовая субстанция, и в каждом акте говорения он меняется, становясь другим»²² (курсив мой – К.П.). Наверное, нет нужды напоминать, насколько, с одной стороны, это ближе к аристотелевскому пониманию сущностей вещей, которые он видел в понятии «энергии», и, соответственно, к гумбольдтовскому пониманию языка, и с другой стороны, насколько это далеко от идеи «естественного» языка, подразумевающего возможность «адекватной аппроксимации» формально-логическими системами. Это противопоставление метафизических взглядов на проблему языка позволяет А.В.Смирнову вести последовательную критику универсалистских претензий современной формальной логики.

Впрочем, мы уже забежали вперед и несколько отклонились от нашей первой (предварительной) цели. Давайте вернемся к исследуемой литературе. То, что наша

²¹ А.В.Смирнов. Логика смысла. М.: Языки славянской культуры, 2001, стр. 24.

²² Там же, стр. 25.

догадка о проблематичности сведения сущности логики к понятию «логической формы» может оказаться верной, находит свое явное подтверждение у В.В.Целищева:

«Безусловным свойством отношения следования является сохранение им истинности предложений; если отношение содержится между посылкой и заключением, истинная посылка ведет к истинному заключению. Однако, *что на самом деле представляет собой такая передача истины, является предметом споров*. Означает ли это, что содержание заключения должно быть о том же, что и содержание посылок? Вообще, *имеет ли логика дело с содержанием утверждений*, или же она нейтральна в отношении этого содержания, будучи *полностью формальной?*»²³.

В.В. Целищев называет общую причину сомнения в формальности сущности логики:

«Дело в том, что правильность аргумента может оцениваться, исходя из прагматических, эпистемических или психологических соображений, так что тождество формы одного аргумента с формой другого аргумента, признанного правильным, еще не гарантирует правильности первого»²⁴.

Итак, как видно, наши подозрения основательны, и вопрос о формальности логики – это всё-таки некая проблема. Речь, разумеется, идет не о таком бессмысленном вопросе как «правомерна ли такая наука как формальная логика или нет?» (разумеется, она и правомерна, и весьма эффективна в определенных границах), а о *внутренней природе логики*, т.е. всё о том же вопросе – *что* делает *правильными* рассуждения, претендующие на «правильность»? Если это форма, то как разрешить уже обозначенные трудности, если что-то иное – то *что?*

Посмотрим чуть более детально, на каких основаниях зиждется сомнение В.В. Целищева относительно идеи отождествления формальной логики с логикой вообще. Понятно, что говорить доказательно о сомнении в формальности логики можно лишь на основе *конструктивно* сооружаемых контр-примеров. Все контр-примеры, которые возникают в связи с этой проблемой, В.В. Целищев характеризует как 1) недопроизводство (логических истин)²⁵, 2) перепроизводство (логических истин), 3) зависимость от областей (например, от их мощности) и главное 4) от философских программ. Недопроизводство – это не самое страшное из зол, ибо (если это недопроизводство не вызвано некими фундаментально неустранимыми причинами) всегда еще остается возможность изобретения более правильной формализации, основанной на большем количестве формально-логических различий. А вот если имеет место неустранимое перепроизводство логических истин, то эта трудность может стать уже принципиальной. Ведь может получиться так, что помимо подразумеваемых логических следствий, под данную формализацию *всегда* будут попадать не просто «лишние», но и явно *ложные* умозаключения²⁶. Такое положение дел было бы явным свидетельством в пользу необходимости поиска иных критериев правильности «правильных рассуждений», нежели «формальность» в современном ее понимании. А современная ситуация такова, что, похоже, верным является именно последний сценарий, т.е. что нет ни одного действительно универсального, чисто формального «закона логики».

²³ Цит. соч. стр. 14.

²⁴ Цит. соч. стр. 166.

²⁵ Цит. соч. стр. 44.

²⁶ Такие ситуации Н.Н.Непейвода называет просто-напросто *неформализуемыми*; см. Н.Н.Непейвода. Прикладная логика. Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 2000, стр. 372.

Чтобы привести дополнительные основания этой гипотезе, (в другой работе) мы обсуждаем некоторые контр-примеры, ставящие под вопрос универсальность таких формально-логических правил как модус-поненс, а также формальную версию закона тождества и некоторых других. Эти контр-примеры основаны на ситуациях, учитывающих коммуникативное измерение логики, необходимое для понимания понятия «логического плюрализма» в смысле *И.Канта*, а не в смысле банального многообразия «логических систем»²⁷. В частности, мы укажем на одну важную (и постоянно упускаемую современными логиками) зависимость понятия «правильного рассуждения» от интерпретации понятий «высказывание» и «суждение». Постоянно игнорируемые (современными теоретиками логики) условия осмысленности таких основополагающих понятий как «правильное рассуждение», «понятие», «высказывание», свидетельствует лишь о том, что в современном научном сообществе царит негласное всеобщее принятие метафизической предпосылки, допускающей возможность существования «абсолютного и совершенного наблюдателя» (по отношению к такому объекту как логика). Эта предпосылка ответственна за легитимацию ряда абстракций, сконструированных из этих понятий. Теоретическая приемлемость этих абстракций зиждется на том, что проверка их адекватности реальным «суждениям», «высказываниям» и т.п. производится лишь *на том же* материале, от которого они и были абстрагированы. Однако, экстраполяция этих абстракций на «общий случай» практически всегда приводит к контр-интуитивным последствиям, примерно по той же причине, по какой касательные пространства (в геометрии) хорошо аппроксимируют исследуемое топологическое пространство лишь в окрестности «точки касания», а не за ее пределами. Как ни странно, метафизическая предпосылка современных логиков, о которой мы говорим, связана с унаследованной от ранней новоевропейской идеи «научной объективности» как чего-то такого, что можно было бы трактовать как взгляд всеведущего Бога на природу вещей (строго говоря, им же и созданных).

Насколько я понимаю, этот взгляд на логику восходит не столько к кантовскому разделению логики на формальную и трансцендентальную, сколько к логическим идеям Б.Больцано (имеющих в своей мета-логической основе сугубо тео-логический характер). Вот как Б.Больцано понимает своё «Наукоучение».

1) Б.Больцано говорит, что «будет называть свое наукоучение *просто логика*»²⁸ (курсив мой – К.П.). Чуть ниже он утверждает, что это утверждение обратимо: «логика, по моему пониманию, должна быть *наукоучением* (курсив Б.Б.), т.е. указанием того, как общую область истин следует целесообразным образом разделять на отдельные науки и *излагать каждую из них письменно*»²⁹ (курсив мой – К.П.).

2) Б.Больцано связывает с понятием логики одно принципиально важное различие – различие между «мыслимыми предложениями» и «предложениями в себе». Именно с понятием «предложения в себе» он связывает понятие *объективной*, научной истины. Он говорит: «мы будем рассматривать не те предложения, которые появляются в нашей душе, а предложения в себе, т.е. *объективные предложения*»³⁰ (курсив Б.Б.). В связи с этим понятием Б.Больцано высказывает свое предположение о природе логики следующим образом:

«Ну а если логика имеет своим предметом не только мыслимые предложения (мысли), но и предложения в себе, не зависящие от того, мыслит ли их кто-нибудь или нет, на которые также распространяются логические правила?..

²⁷ Понятие «логического плюрализма», противоположное кантовскому, дается, например, В.Васюковым в его словарной статье «Логика».

²⁸ Б.Больцано. Учение о науке. Санкт-Петербург, Наука, 2003, стр. 55.

²⁹ Там же, стр. 57.

³⁰ Там же, стр. 123.

Область логики была бы слишком мала и узка, если бы она опиралась только на мыслимые предложения, а не на предложения вообще»³¹.

Понятие мысли, которую никто не мыслит, или понятие предложения, которое невозможно помыслить, были бы совершенно противоречивыми и бессмысленными, если не иметь отчетливого понимания того, что речь у Б.Больцано идет о «мыслях» Бога, и о божественных же «предложениях» (т.е. о том самом Слове, которым был создан *наш* мир, и которым, быть может, создано бесконечное число совершенно иных миров). Примечательно, однако, что Больцано считает мыслимой *общую форму* всех (мыслимых и немислимых) предложений, к исследованию которых-то и имеет доступ логика. Он говорит: «Логика исследует различные формы предложений вообще, например форму: «некоторые А есть В» и другие, но не конкретное содержание, материю мыслей»³².

Более или менее явный *тео-логический* характер предпосылок философии Б.Больцано, (связанный, в частности, с понятием «предложения вообще», или «предложения в себе», *общая форма* которого, однако, имеет доступный человеку характер), со временем стала казаться не имеющей никаких значимых метафизических предустановок в своих основаниях, и вскоре вовсе исчезла из поля зрения ученых *как предпосылка*, делающая осмысленными рассуждения о «предложениях вообще».

«Общая форма» предложений как (якобы) чисто научная концепция возникает во всей своей логической силе, например, в работах Б.Рассела. В своей «Философии логического атомизма» он говорит: «Получая формулы типа xRy , содержащие только переменные, вы находитесь на пути к тому типу вещей, о которых можете утверждать в логике... Предположим, я говорю: ' xRy влечет, что x принадлежит области R '... Это – пропозиция чистой логики. Она вообще не упоминает каких-либо индивидуальных предметов. Она должна пониматься как утверждение об x , R и y , чем бы они ни были. Таковы все утверждения логики»³³.

По этому пути развития, подразумевающему «абсолютного наблюдателя» в качестве своей регулятивной идеи, и пошла вся логика в XX-м веке. И долгое время никаких конфликтов с изначальным (аристотелевским) смыслом идеи логичности не возникало потому, что основной проблемой, которую решала логика в XX-м веке, была проблема обоснования *математического знания*. Отсутствие конфликта связано с тем, что математическое познание – в самом широком и, при этом, философски точном смысле слова – является «познанием посредством *конструирования* понятий» (по определению И.Канта). Математик подобен Творцу в том смысле, что в обоих случаях бытие «исследуемых» предметов тождественно мыслимым конструкциям; бытие треугольника тождественно умозрительному его созерцанию. Для Творца *всякое* бытие тождественно его созерцанию; для человека же область таких предметов исчерпывается областью объектов, мысленно конструируемых самим же человеком. Поэтому идея привлечения той логики, о которой говорили Б.Больцано, Б.Рассел, Г.Фреге и др., к задаче прояснения устройства *математического знания* оказалось вполне адекватной такого рода цели, поскольку «тео-логическая» предпосылка здесь никак не давала себя знать. Однако как только «математическая» (в кантовском смысле слова) логика попыталась перешагнуть пределы области своей естественной применимости, то эти ее универсалистские претензии тут же и стали причиной обнаружения как «скрытых предпосылок» этой логики, так и соответствующих ее недостатков.

В итоге, в современной логике (фактически, отождествляющей себя с логикой формальной) сложилась довольно странная ситуация с такими фундаментальными понятиями как «высказывание», «понятие», «рассуждение», «суждение» и некоторыми другими. В этой логике идет речь, например, о высказываниях так, как если бы в

³¹ Там же, стр. 56.

³² Там же, стр. 56.

³³ Б.Рассел. Философия логического атомизма. Томск, Водолей, 1999, стр. 64.

реальном (актуальном) высказывании «высказываний» не был бы никакой нужды. Вопрос о том, действительно ли все такие высказывания могут быть высказаны *человеком* или нет, современную теоретическую логику интересует мало. Ни условия *возможности* содержательного высказывания «высказываний» (человеком), ни *последствия* того, что они высказаны (другим людям) «логику» не интересуют³⁴.

Эти не вполне естественные презумпции (относительно понятия «высказывания» и др.) касаются даже тех ситуаций, когда говорят о теории аргументации, словно бы речь там должна ограничиваться исключительно ситуацией воображаемого спора, который проносится безмолвно в голове некоего неизвестного (сверх)разумного существа. Но реальные условия логической дискуссии очевидно не таковы. Нетрудно понять, что если мы примем во внимание *коммуникативный* аспект высказываний (т.е. *актуальность* высказываний и их конкретную *адресованность*), то возникнут серьезные вопросы. Можно показать, что в случае логической дискуссии между двумя рациональными субъектами можно легко привести пример, который вполне правомерно назвать примером *логически правильного* рассуждения, но который при этом является контр-примером либо модус-поненсу, либо т.н. «закону тождества» (и ряду других т.н. «логических истин», которые обычно считаются истинными «независимо от содержания»)³⁵. Такого рода примеры (которые мы рассматриваем в другом месте) – лишь тривиальные, но яркие представители целого направления сложнейших научных проблем, принципиально связанных с логическими эффектами, возникающими в результате учета коммуникативного, или, например, герменевтического измерения научного познания.

Продолжим пока наши настороженные вопросы, вызванные чтением Словаря. Итак, что же еще можно узнать о «логической форме» как о причине правильности рассуждений, претендующих на правильность? Ряд существенных проблем мы уже высказали, но это еще далеко не всё. Читаем Словарь дальше.

Сама логическая форма сделалась **относительной**: она зависит не только от исследуемого языкового выражения, но и от принятой системы анализа, от того формализованного языка, на который оно «переводится».

Примем это утверждение, как и все предыдущие, на веру и просто попытаемся дальше делать некие выводы из прочитанного в предположении, что всё это действительно соответствует истинному положению дел. (А все характеристики «логической формы», которые излагаются авторами Словаря, на мой взгляд, действительно именно таковы). Итак, помимо зависимости от предметных областей утверждается, что «логическая форма» стала относительной, ибо например, имеет место ее зависимость от языка. Далее относительность формы доводится до последнего предела.

Развитие Логики показало, однако, что доказательства *вовсе не обладают абсолютной, вневременной строгостью* и являются только опосредствованными средствами убеждения. Даже способы математической аргументации на деле *историчны и социально обусловлены*. В разных логических системах

³⁴ Необходимость учета такого рода обстоятельств доказывал в своих работах А.С.Есенин-Вольпин в книге «Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека», Москва, 1999. Или, например, Е.Г.Драгалина-Черная в своей статье «Логика: от тривии к инженерии знаний» утверждает: «Переход от классической к коммуникативной модели рациональности, связанный с осознанием пресуппозициональной нагруженности и рефлексивной контекстуальности любого, в том числе и логического знания, формирует новое понимание целей логики и ее границ», стр. 121.

³⁵ Эти примеры связаны с ситуациями, когда сам факт высказывания «высказывания» меняет его истинностное значение. В результате чего в рамках *одной и той же* коммуникативной ситуации могут возникнуть положения дел, «формализуемые» как с помощью формы «если А, то не-А», так и с помощью формы «если А, то А» (и т.п.).

доказательствами считаются разные последовательности утверждений, и ни одно доказательство не является окончательным.

С одной стороны, *всё*, что утверждают авторы Словаря, на мой взгляд, очень точно характеризует ситуацию в современной логике. Однако, с другой стороны, наш основной вопрос становится теперь просто кричащим: да-к *что* же у нас остается от идеи того, что *причиной* правильности «правильных рассуждений» являются некие «логические формы»? Ведь оказывается, что «логические формы» зависят и 1) от исторического момента, и 2) от социальных условий, и 3) от специфики языка и концептуального аппарата (связанного, например, с металогическими философскими соображениями), и от 4) области (универсума) рассуждений. Очевидно, что каждый вид зависимости «логической формы» (от чего-то там), по сути, есть особый вид «порочного круга» при определении «формы» как причины правильности. И на данный момент у нас лишь сплошные круги в определении.

Вердикт, который выносят авторы Словаря, можно разбить на два утверждения, в одном из которых в конденсированном виде формулируется существо *формальной* логики, а во втором – квинтэссенция современного *научного статуса* логики «как таковой».

Вердикт 1. Существо *формальной* логики выражается следующим образом: «*формальная* Логика главное внимание направляет на прояснение структуры *готового знания*» (курсив мой – К.П.).

Этот вывод совершенно последовательно вытекает из предположения, что причиной правильности *определенного рода* рассуждений является нечто такое как «логическая форма», отвлекаемая от некоего содержания. Подобная причина правильности «правильных рассуждений» может быть применена *только* к рассуждениям, нацеленным на «прояснение структуры *готового знания*». (В этом выводе нет ничего неожиданного, если вспомнить, что Б. Больцано понимал логику как науку, способствующую письменно *излагать науку в учебниках*).

Полученный вывод можно сформулировать в терминах противопоставления «аналитического» и «синтетического». Формальная логика – в том смысле понятия «формы», который ему придали Фреге и Рассел – является «чисто аналитической» логикой. Такая логика действительно не имеет никакого отношения к понятию «познания», ибо – фактически по определению – направлена на анализ существующего знания, а не на прирост нового знания. Именно поэтому И.Кант противопоставлял («общую», аналитическую) логику логике трансцендентальной (синтетической).

Что касается вывода о научном статусе современной логики, то он носит, скорее, проблематический характер.

Вердикт 2. Авторы Словаря совершенно справедливо утверждают: «приложения логики показали, что доказательство не обладает абсолютной, вневременной строгостью и является только культурно опосредствованным *средством убеждения*».

Этот вывод я бы осмелился назвать *провокацией* (в положительном смысле слова). Ведь если вспомнить, что сам замысел логики – еще во времена Платона и Аристотеля – заключался в том, чтобы создать науку, по форме своей основательности принципиально отличную от *риторики* (недостаток которой виделся в том, что она есть всего лишь *средство убеждения*), то становится понятным, почему современное положение в логике является своего рода *вызовом* (или скандалом). Не означает ли вывод авторов Словаря, что почти трех тысячелетний проект по созданию науки, которую бы можно было строго отличать от риторики, оказался провальным? Не означает ли, что на путях создания логики европейские мыслители сумели изобрести лишь несколько новых, порой виртуозно устроенных риторических фигур убеждения и ничего более? Если всё-таки нет, то возникает вопрос: отличается ли логика как средство убеждения, чем-то качественно иным от риторики как средства убеждения? Или же логика – это лишь

софистически закамouflированная риторика? Вопросы-то это не простые, а, ни много ни мало, решающие судьбу логики как особой науки. Наука ли «логика» или же это фантастическая смесь виртуозной (мета-логической) софистики с риторикой, одетой в математически безупречные одежды³⁶?

Имея в виду эти вопросы и недоумения, вернемся к чтению Словаря, в котором мы найдем некоторые важные подсказки о том, в каком направлении следует искать разрешения этих головоломок. Итак, в конце концов – проведя читателя от исходного определения логики до ряда парадоксальных следствий из него – авторы совершают три решающих и принципиально важных перехода в определении существа логики.

1) Отметим еще раз, что однозначно переопределяется существо *формальной* логики: она, оказывается, занимается *только* тем, что придает «готовому знанию» четкую систематическую форму. Но если речь заходит о философском познании, имеющем дело с «неготовым знанием», то формальная логика может выступать в лучшем случае лишь неким вспомогательным средством рассуждений, а *не сущностной причиной* правильности рассуждений, нацеленных на познание неизвестного.

2) Переопределяется существо *общего понятия* логики. Оказывается, что логика как таковая не исчерпывается ее формальными аспектами, ибо

для правильного понимания предмета и задач формальной Логики важно четко представлять *ее соотношение* с диалектической Логикой.

В данный момент нам не важно, как именно трактуется «диалектическая логика» в Словаре, ибо важен сам факт констатации своеобразной само-недостаточности формальной логики с точки зрения *общего понятия* логики, которое могло бы *исчерпывающе* раскрыть содержание номинального определения логики. Тут можно возразить, что определяя *логику вообще*, авторы говорят, что любая система логики является именно логикой (а не чем-то иным) именно благодаря тому, что она отвлекается от содержания. И, стало быть, следует считать, что и «диалектическая логика» в определенном смысле формальна. Но даже если и так, то вопрос о *причине* логичности логики невозможно втиснуть в идею «формы» – поскольку требуется, по крайней мере, *сопряжение* одной «логической формы» и *какой-то другой* «логической формы». Этот ход в определении существа логики имеет древнюю историю, но несмотря на это до сих пор не получил должного теоретического воплощения. Ведь, например, у Аристотеля для того, чтобы аподиктическая логика была действительным органом мышления, ее посылки должны *постоянно* восполняться логикой диалектической критики – только так (по Аристотелю) мы получим *целостную* идею «правильного рассуждения». Обратим особое внимание на то, что взаимное дополнение форм рассуждения должно иметь место *постоянно*³⁷. То, что одну «логическую форму» необходимо *«постоянно дополнять»*

³⁶ Об опасности того, что такое может произойти, предупреждал уже Аристотель: «считают, однако, очевидным, ... что в ряду прекрасного находится нечетное, прямое, квадратное и степени некоторых чисел (совпадают же, говорят они, времена года и такое-то число) и что все остальное, что они *сваливают в одну кучу на основе своих математических умозрений*, имеет именно этот смысл». Met. N, 1093b10-15.

³⁷ По Аристотелю для того, чтобы получить аподиктическое знание необходимо уметь правильно применять аподиктическую логику к аподиктически истинным посылкам. Самые первые истинные посылки (средний термин) Аристотель называет «началами». Он говорит: «каждую вещь можно доказывать не вообще, а только из свойственных ей начал». Только тогда мы можем получить *эпистему* (т.е. аподиктическое знание, или, точнее, просто безусловное знание) о данной вещи. Но Аристотель тут же замечает одно принципиальное обстоятельство: парадокс соотношения «начал» с понятием «эпистемы» в том-то и заключается, что «начала» любой из «эпистем» сами не могут быть познаны аподиктически. Аристотель однозначно говорит: «не может быть эпистемы о началах» (Anal. Post. II 19, 100b5-16, см. также Anal. Post. I 2-4; Eth. Nic. VI 6, 1140b35). Из этой не-аподиктичности знания «начал» у Аристотеля следует необходимость постоянной *взаимной* проверки аподиктической логики логикой диалектической. Эта идея совершенно однозначно высказана уже Платоном в его 7-м письме, где он рассуждает о пяти ступенях познания: «Глубокое проникновение в каждую из этих ступеней, *подъем или спуск* от одной из них к другой с трудом порождают совершенное знание... Лишь с огромным трудом, *путем взаимной проверки* – имени

некоей другой «логической формой», приводит к последнему и решающему следствию в переопределении сущности логики.

3) Существо логики возводится к понятию «деятельности» (а не «формы»).

Перемены, происшедшие в Логике в XX в., приблизили ее к реальному мышлению и тем самым к *человеческой деятельности*, одной из разновидностей которой оно является.

Итак, мы имеем кульминационный момент, и соответствующие ему вопросы можно сформулировать так:

А) Так что же есть истинная причина правильности «правильных рассуждений» (т.е. что же есть причина логичности логики): особого рода «форма» или особого рода «деятельность»?

Б) говоря о том, что природа «логики» формальна, не путают ли здесь «логику» разнообразных предметных областей с той Логикой, которая должна была бы быть наукой о правильности «правильных рассуждений»?

На второй вопрос (вопрос Б) мы вынуждены дать положительный ответ: происходит явное смешение логики *правильного изложения* «готового знания» – с *логикой познавательной деятельности* (которую не следует путать с таким психологизированным понятием как «субъективная логика», которое, если быть последовательным, логикой называть вообще неправомерно, что мы и стараемся обосновать в другой работе). Первый из указанных смыслов появился относительно недавно и связан главным образом с именем Б. Больцано. Э. Гуссерль, увидевший в идеях Б. Больцано (таких как «истина в себе», «предложение в себе») надежное средство для борьбы с «психологизмом» в логике, принял на вооружение его Наукоучение, в котором, с точки зрения Гуссерля, логика понимается как «вспомогательное средство для технического учения о научных учебниках»³⁸. Фактически руководствуясь теми же идеями (идея «предложения в себе», открывающая логический доступ к общей форме любых предложений), были вдохновлены и родоначальники аналитической философии. Именно эту цель по сей день и преследует вся *формальная логика*. Не случайно авторы Словаря дедуцировали исходный замысел формальной логики – «прояснение структуры *готового знания*» – на основе своего анализа современной ситуации, которая является лишь законным следствием тех отправных пунктов, от которых отталкивались Больцано, Гуссерль и др. Стало быть, есть серьезное основание считать, что трудности, о которых мы говорили выше, возникают из-за ошибки смешения этих двух смыслов логики, которую (в большей или меньшей степени) допускают чуть ли не во всей литературе по логике. Второй же (не-больцановский) смысл логики – *философский* смысл логики как «инструмента» (органона) *познания* – существовал со времени Аристотеля. За этим смыслом скрывается существенно более сложная задача, нежели задача научения правильно создавать и/или излагать учебники. Философский смысл логики – это то, природа чего еще толком не изучена. Однако на современной повестке дня именно этот вопрос становится самым актуальным. Что же касается первого вопроса (вопроса А), то он-то как раз и упирается в понятие философской логики, и тут, как мы уже сказали, имеется еще огромное количество неясностей, разрешить которые предстоит будущим исследованиям.

определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека», 343e-344c (курсив мой – К.П.). Развернутое исследование этих вопросов см. в А.В.Ахутин, *Античные начала философии*, Санкт-Петербург, Наука, 2007.

³⁸ см. Гуссерль, *Логические Исследования*, т. 1, гл. 1, §12.